

Евгений Замятин. Сподручница грешных

Рассказ

 Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том 1.
 Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.

OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005.

[Библиотека Александра Белоусенко](#)

Глубь, черно, лохмато: лог, в логу – лес. Сквозь черное – высоко над головой монастырские белые стены с зубцами, над зубцами – звезды. И слышно: там под стеной сторож в доску тукает.

У сторожа у этого – ключ от монастырских ворот: Сикидину через Дуняшку-просвирню очень хорошо все известно. Только бы теперь этот самый ключ как-нибудь – и ночным бытом так бы все оборудовали тихо-благородно. Ведь днем если – так беспокойства, крику не оберешься...

И назад, в темь, Сикидин очень строго:

– Чтоб физически зря не бить и не лезть дуром, а все – согласно постановленью...– По шепоту слышно: брови у Сикидина насуплены, а самого не видать – одни в темноте зубы.

Покамест еще в селе на сходе кулижились, приговор писали, солдат Сикидин так, на запятках был: главный, конечно, Зиновей Лукич, язычных дел мастер. Ну, а теперь, как до дела дошло, тут как-то само собой, что Сикидин – главнокомандующий, и перед ним сжимается Зиновей Лукич, а уж про старика Онисима и говорить нечего: на всякое слово сикидинское – ротик оником, и все свое – "О? Во-от!"

Взобрались кверху, к зубцам. И вот у стены костерок красный, у костра – красная собака, вниз-вверх, мигнет-потухнет, и красный мужик – обхватил колени, в коленях ружье.

– Господе Иисусе Христе, Сыне Божий...– набочок желтая головка Зиновей-Лукичева, и уж такой будто пригорбый, такой прихворый.– К матушке игуменье мы насчет, стало быть, этого... дровец... Да вот припоздали... Ну-ну-ну, собачка! Да Господь с тобой, собачка, что ты, что ты, собачка!

– Цыц, Белка, сядь!

На ошейнике – красная сторожена рука. Рука – шестипалая, шестой палец на отлете, упорный и твердый – кочетинная шпора, и мельтешатся в красном свете, тут-там мигают, торопятся желтые Зиновей-Лукичевы ручки, вокруг сторожа, Белки – паутину плетут: тоненькая – и не видать глазом.

Про какую-то собаку генеральскую, про Серафима Саровского. Напакостила собака на паперти, а он батюшка, жезлом своим святительским тут же на паперти ее и прогвоздил. А вот тоже в Нил-Столбенском скиту кобель причастие проглотил, и в ту пору ж у кобеля – морда человечья, и говорит кобель тот самый...

Обметало паутиной. Кочетинный палец не шевелится. Белка морду положила на передние лапы, глаза зажмурила...

– Пойти хворосту, что ли, подкинуть...– потянулся Сикидин, встал лениво. Исподлобья желтым глазом проводила его Белка и исподлобья – Зиновей Лукич.

– И говорит кобель тот самый: правосла... православные...

Зашелся дух у Зиновей Лукича: "Владычица... Сподручница грешных, помоги!" Увидел сзади над сторожем сикидинские зубы.

Раз! – сверкнули зубы – глухо мукнул, как бык, сторож – и на земле, с сикидинским гарусным шарфом во рту.

Взвизгнула, взвилась Белка – Сикидина в руку. Ткнул Сикидин ножом, вытер об траву, затихла Белка.

Из лога вылез месяц, посинелый, тоненький, будто на одном снятом молоке рос. Вылез – и скорее вверх по ниточке – от греха подальше, и на самом верхотурье ножки поджал.

Чтоб невдогад монашкам, чтоб дрыхли спокойно – старика Онисима оставили наверху со стукушкой, в доску стукал старик потихоньку. А сами возились со сторожем – в логу.

Умаялись с ним, окаянным, беда! Одно наплетил: "Был, – говорит, – ключ на поясу, сами же сронили как сверху-то сюда волокля".

Бумагу ему предъявили.

– Ну, гляди. Вот... "И все денежные финансы монастыря во имя Пресвятыя